

*Родным и близким всех солдат и офицеров,
Воевавших и воюющих на Северном Кавказе,
посвящаю*

От автора

Мой отец, Николай Николаевич, был кадровым офицером, военным летчиком. После окончания Краснодарского авиационного училища его направили на фронт. Войну закончил в Берлине, в мае 1945-го. Через год в Ханкале, пригороде Грозного, он встретил терскую казачку Надю, мою маму.

В 1958 году отец попал под так называемое хрущевское сокращение и был уволен из Вооруженных сил. Эта участь постигла в те годы многих капитанов, майоров — молодых, здоровых, полных сил и энергии мужиков. Отец крайне болезненно переживал случившееся. Дошло до того, что как-то, с присущей ему прямоотой, рубанул мне: «Чтобы ноги твоей не было в армии!»

Я понимал, что в душе его — незаживающая, мучительная рана. Такое не проходит бесследно. Он ушел из жизни в самом расцвете сил — в 43 года.

Я всегда помнил об отцовском наказе и по окончании школы поступил на архитектурный факультет Московского института инженеров землеустройства. Однако после смерти отца вынужден был, бросив учебу, уехать домой, поскольку семья оказалась в трудном положении. Устроился на работу, помогал матери и сестрам. Но когда пришло время выполнять свой священный долг перед Родиной и надевать военную

форму, я подал рапорт с просьбой зачислить меня курсантом Казанского высшего командного танкового училища, тем самым нарушив запрет своего отца. Уверен, что поступил тогда правильно, и не сомневаюсь, будь жив отец, порадовался бы за сына. И во все не потому, что Трошев-младший дослужился до генерала и стал командующим войсками округа. Отец очень любил армию, и, видимо, это чувство передалось мне. Фактически я продолжил главное дело его жизни, чем и горжусь.

До сих пор с благодарностью вспоминаю своих первых командиров: взводного — лейтенанта Солодовникова, ротного — капитана Корзевича, комбата — подполковника Ефанова, учивших меня азам военной науки.

Спустя почти тридцать лет знания, полученные в стенах училища, а затем и в двух академиях, пришлось применять не только в повседневной жизни, но и на войне. На войне — особенной во всех отношениях. На войне, которую армия вела, в силу объективных и субъективных обстоятельств, на своей территории против бандитов и международных террористов. На войне, которая проходила на моей родине. На войне, которая шла по особым правилам и не вписывалась, по большому счету, ни в какие классические схемы и каноны.

Трагические события последних лет на Северном Кавказе неоднозначно воспринимались в нашем обществе в середине 1990-х годов, да и сейчас вызывают споры.

Может быть, я так никогда и не взялся бы за собственные мемуары. Однако вышло в свет уже немало книг, где прямо или косвенно рассказывается о собы-

тиях в Чечне. Удивительно, но большинство авторов страшно далеки от той проблематики, которую затрагивают в своем «творчестве». Они толком не видели и не знают ни войны, ни людей (чьи имена тем не менее фигурируют на страницах книг), ни менталитета местных жителей, ни армии. В общем, благодаря такому легковесному подходу некоторых авторов создана целая мифология вооруженных конфликтов на Северном Кавказе.

Лиха беда начало. Основываясь на этих созданных пишущей братией мифах, начинает разрастаться новая поросль сказок о Чеченской войне. Например, как аксиому уже приняли в российском обществе тезис о полной бездарности и бессилии армии в первой Чеченской кампании. Теперь же, опираясь на этот сомнительный тезис, другое поколение «специалистов по Чечне» строит свои не менее сомнительные концепции и выводы на кривом фундаменте. Что из этого может получиться, кроме уродливой конструкции?

Мне, человеку, прошедшему обе Чеченские войны, участвовавшему в боях с ваххабитами в Дагестане, трудно мириться с домыслами, а то и с откровенной ложью о событиях, которые доподлинно знаю.

Побудило взяться за перо и еще одно обстоятельство. Чеченская война сделала широко известными и в нашей стране, и за рубежом многих политиков, военачальников и даже бандитов. Большинство из них я знал и знаю лично. С одними встречался и общался, с другими был в общем строю — плечом к плечу, с третьими воевал не на жизнь, а на смерть. Мне известно, кто есть кто, что кроется за словами и поступками каждого фигуранта. Однако тот имидж, который создала им пресса или они сами себе, зача-

стью не соответствует действительности. Допускаю, что мои оценки слишком личностные. Но даже в этом случае считаю, что могу публично выразить свое отношение ко многим «прославленным персонажам Чеченских войн». Даже обязан сделать это, хотя бы ради полноты картины.

Рассказать о войне на Северном Кавказе побудило меня и желание предостеречь всех от повторения допущенных в 90-х годах серьезных ошибок, и политических, и военных. Мы должны усвоить горькие уроки Чечни. А это невозможно без трезвого, спокойного и глубокого анализа всех событий, произошедших в этой республике за последние десять лет. Надеюсь, что мои воспоминания будут этому способствовать.

Добрый подспорьем в работе над книгой стали дневники, которые я старался по возможности вести регулярно. Память — вещь ненадежная, поэтому я иногда записывал детально многие эпизоды, давая свои оценки событий. Поэтому читатель найдет немало дневниковых фрагментов.

Не могу не выразить признательности тем, кто помогал в работе: полковнику В. Фролову (офицеру оперативного управления штаба СКВО), подполковнику С. Артемову (начальнику аналитического отдела редакции «Военного вестника Юга России»), другим сотрудникам окружной газеты. Моя особая благодарность военным журналистам полковникам Г. Алехину и С. Тютюннику, которые фактически стали соавторами этой книги.

Задумывая эти мемуары, я видел своих будущих читателей в тех, кто потерял в Чечне родных и близких, кто наверняка хочет понять, за что и как погибали их сыновья, мужа, братья...

Судьба сводила меня на войне с разными людьми: и с политиками, и с военачальниками самого высокого ранга, и с лидерами бандитских формирований, и с простыми российскими солдатами. Мне довелось увидеть их в разных ситуациях. Каждый из них проявлял себя по-разному: кто-то был тверд и решителен, кто-то пассивен и безразличен, а кто-то разыгрывал свою карту в этой войне.

Я предпочитал рассказывать прежде всего о тех, с кем лично встречался, кого видел в деле (например, о Джохаре Дудаеве поэтому не пишу). Но среди действующих лиц немало тех, кто воевал по другую линию фронта. Конечно же, я выразил свое отношение к тем заметным фигурам, чьи фамилии у всех на слуху. Как и в любых мемуарах, авторские оценки спорные, порой очень личные. Но это мои оценки, и думаю, что имею на них право.

В сложной, экстремальной ситуации проявляется как на рентгене вся суть человека, сразу видно, кто чего стоит. На войне есть всё — и трусливость, и глупость, и недостойное поведение военнослужащих, и ошибки командиров. Но это не идет ни в какое сравнение с мужеством и героизмом, самоотверженностью и благородством российского солдата. Ему мы обязаны всем лучшим, что есть в нашей военной истории. Как бы грамотно и красиво командир ни нарисовал на карте стрелу (направление атаки удара), «тащить ее на плечах» придется рядовому бойцу. Нашему российскому солдату нужно в ноги поклониться за то, что вынес на себе тяжелейший груз военных испытаний и не сломался, не пал духом.

К сожалению, далеко не все, с кем плечом к плечу прошел я по трудным дорогам Кавказа, упомянуты

в этой книге. Но я благодарно помнил и буду помнить моих боевых сослуживцев, товарищей по оружию (от солдата до генерала), кто в трудный для новой России час встал на защиту ее целостности. А тем, кто сложил головы на поле брани, низко кланяюсь: вечная им слава!

Глава 1

НАЧАЛО ВОЙНЫ

С КОРАБЛЯ – НА БАЛ

В сентябре 1994-го я находился в длительной командировке в Приднестровье – в составе комиссии по урегулированию конфликта. Незадолго до этого 1-я гвардейская танковая армия, где я был первым заместителем командующего, покинула территорию Германии и передислоцировалась в Смоленск.

Звонок командующего войсками Северо-Кавказского военного округа генерал-полковника Митюхина (с которым мы служили в Западной группе войск) застал меня в штабе в Бендерах. «Геннадий Николаевич, не засиделся ли ты в тылу? – шутливо начал разговор Алексей Николаевич. – Пойдешь ко мне командиром 42-го армейского корпуса во Владикавказ?» Я ответил: «Если вы считаете, что подхожу на эту роль, я благодарен за доверие». Говорю, а у самого в голове все перемешалось от столь неожиданного предложения. Командующий, словно почувствовав мои сомнения, продолжал: «Для тебя Кавказ – не чужой, ты вырос здесь... Я знаю тебя хорошо и считаю – справишься. Долго не засидишься – скоро будет освобождаться перспективная должность...» Я спросил: «Сколько времени у меня на обдумывание?» – «Чем быстрее, тем лучше», – ответил Митюхин и, попрощавшись, положил трубку.

Я позвонил жене. Она сказала: «Как решишь сам. Я всегда буду рядом с тобой».

В тот же вечер снова связался с Митюхиным: «Я готов». А через три дня в Ростове уже докладывал ему о своем прибытии.

Мы друг друга хорошо знали. За несколько лет совместной службы у нас сложились доверительные отношения, хотя и не всегда было все гладко.

Митюхин отложил все дела, и мы улетели во Владикавказ. Он очень по-доброму отнесся ко мне. Несколько дней возил по расположению войск, представлял меня офицерам управления корпуса, личному составу 19-й мотострелковой дивизии, 136-й бригады в Буйнакске, 135-й — в Прохладном. Меня это, признаться, удивило. Обычно как бывает: представил на служебном совещании или на Военном совете, и все. А тут такое внимание. Только позже понял, почему он так по-отечески опекал меня: знал, что скоро подразделения 42-го корпуса пойдут в Чечню. Но, разумеется, мне об этом ни слова, ни намека.

Я, конечно, был в курсе, что обстановка вокруг Чечни накаляется с каждым днем. Да и огонь осетино-ингушского конфликта продолжал тлеть. Достаточно сказать, что спустя полгода, после завершения активных боевых действий, мой предшественник на должности командира корпуса генерал-майор А. Корецкий при загадочных обстоятельствах погиб на территории Северной Осетии. Мне рассказывали, как экстремисты пытались захватить наши склады с оружием и боеприпасами, брали в заложники офицеров, в числе коих оказался военный прокурор Владикавказского гарнизона. Словом, обстановка в том регионе оставалась сложной и напряженной.

...В конце поездки Митюхин напутствовал: «Разбейся, вникай. Что не понятно — звони». А через два месяца, в соответствии с указаниями Генерального штаба, войска округа приступили к подготовке и планированию операции. Она имела ряд особенностей:

- во-первых, необходимые мероприятия осуществлялись в крайне короткие сроки;

- во-вторых, для ее проведения создавалась Объединенная группировка войск, включавшая силы и средства различных министерств и ведомств, имеющих свою специфику в решении возложенных на них задач (соединения и части Министерства обороны, внутренних, пограничных и железнодорожных войск, силы и средства ФСБ, ФАПСИ, МЧС);

- в-третьих, поскольку боевую задачу предстояло выполнять на территории одного из субъектов Российской Федерации, предусматривались существенные ограничения в действиях войск;

- в-четвертых, требовался глубокий и многоплановый анализ ситуации, так как данные о внутреннем положении в Чечне и раскладе сил дудаевцев и оппозиции были очень противоречивыми.

Согласно директиве министра обороны, в соответствии с президентским Указом ставилась задача: «...Действиями войсковых группировок под прикрытием фронтовой и армейской авиации выдвинуться по трем направлениям к Грозному, блокировать его и создать условия для добровольного разоружения незаконных вооруженных формирований (НВФ). В случае отказа — провести операцию по захвату города и в последующем стабилизировать обстановку на всей территории республики».

Я часто вспоминаю те декабрьские дни, когда военные предприняли первые шаги по наведению конституционного порядка. Журналисты сразу окрестили локальную операцию войной, правозащитники — геноцидом чеченского народа, политики — авантюрой. У меня свой взгляд на те события, и в этой книге я старался честно рассказать об увиденном и пережитом.

Любые войны начинают и заканчивают политики. Можно ли считать принятое в декабре 94-го политическое решение о вводе войск авантюрой? В какой-то мере — да. Начиная с 1991 года, когда Д. Дудаев пришел к власти, в республике царили хаос и произвол. А после того как Чечню покинули части Российской армии (1992 год), оставив огромное количество боевой техники, склады боеприпасов, стало ясно, что новый чеченский правитель рано или поздно воспользуется этим арсеналом. И действительно, генерал сразу же стал создавать свои вооруженные силы, исподволь готовиться к войне. А в Москве политики делали вид, будто ничего особенного не происходит.

Уже к началу первой Чеченской кампании Д. Дудаев располагал значительной боевой силой: две бригады, семь отдельных полков, три отдельных батальона. Личного состава: около 5–6 тысяч, а с доукомплектованием в короткие сроки (5–7 суток) — 15–20 тысяч человек. Солидно выглядело и техническое боевое оснащение: танков — 42; БМП, БТР — 66; орудий и минометов — 123; средств ПВО — 40; почти 42 тысячи единиц стрелкового оружия. Кроме того, в населенных пунктах были созданы «отряды самообороны» общей численностью до тридцати тысяч человек. Фактически целая армия, хорошо укомплектованная и вооруженная.

Как-то я прочитал в газете «Труд» своеобразную

исповедь бывшего министра обороны П. Грачева. Есть там и рассказ о памятном заседании Совета безопасности (в конце ноября 94-го года), на котором фактически и было принято решение об использовании армии для разрешения «чеченской проблемы». Позволю себе привести выдержки из этой публикации:

«Доклад о текущем моменте делал министр по национальным вопросам Егоров Николай Дмитриевич. Он говорил, что в Чечне все нормально: «в результате работы с населением» мы достигли прогресса — 70 процентов чеченцев ждут, когда войдут российские войска. Остальные тридцать в основном нейтральны. Соппротивление окажут только отщепенцы. Егорова тогда называли не иначе как «вторым Ермоловым» на Кавказе. На том заседании Совбеза меня просто взбесила его фраза о том, что чеченцы «будут посыпать нашим солдатам дорогу мукой».

Позже Павел Сергеевич, как бы оправдываясь, говорил, что пытался убедить членов Совбеза в нецелесообразности ввода войск, особенно в декабре. Если уж и делать это, то только весной. А до этого оказывать экономическое давление. Но такого рода варианты дружно отвергались. В штабы ушли директивы о подготовке и проведении операции.

Для выполнения намеченного были созданы группировки войск на нескольких направлениях. На Владикавказском — сводный отряд из подразделений моего корпуса. Руководил им мой заместитель генерал-майор В. Петрук. Маршрут выдвижения — Чермен, Новый Шарой, Алхан-Юрт. Задача формулировалась следующим образом: «С подходом к участкам сопротивления на маршруте выдвижения огнем артиллерии и ударами авиации нанести поражение

вооруженным формированиям и продолжить выдвижение в указанный район». Понимаю, что язык военных часто не вписывается в литературные каноны. Но ведь свой язык и у представителей других профессий. И не всегда он поддается упрощениям.

На рассвете 11 декабря сводный отряд начал движение, но уже к полудню поступили тревожные доклады: на мосту, при въезде в г. Назрань, колонна остановлена местными жителями, которыми руководили вооруженные ингушские милиционеры, сожгли 10 наших автомобилей, 6 перевернули. В 17 часов 15 минут начальник штаба доложил, что в районе Гази-Юрта со стороны леса по колонне машин открыта стрельба из автоматического оружия. Появились первые жертвы — убит рядовой Виталий Масленников.

Его фамилию я запомнил. Это был первый мой подчиненный (а может быть, первая жертва Чеченской войны), который погиб даже не в бою, а от выстрела из-за угла. О чем я подумал тогда, слушая поступавшие доклады об убитых и раненых? Не буду кривить душой, не помню. Но было ощущение общей тревоги, какой-то неразберихи, полуправды. Впрочем, то же состояние испытывали многие офицеры нашего корпуса. На других направлениях выдвижения такая же картина: из-за живого щита, составленного из стариков, женщин, детей, выскакивали мужчины с заточенными металлическими штырями и протыкали колеса, специальными крючьями обрывали трубки бензопроводов и тормозов. Многие места на маршруте следования колонны минировались. В общем, в те дни Ингушетия превратилась в очаг сопротивления. Уже только по одному этому признаку стало понятно, что походным маршем в Чечню нам не войти.

ШТАБНЫЕ ЗАМОРОЧКИ

Не секрет, что многие командиры с большими звездами, начальники федерального уровня, полагали, что достаточно выйти к Грозному, пальнуть пару раз в воздух, и на этом все закончится. Именно метод устрашения лежал в основе спешно утвержденного плана операции. Как позже выяснилось, его одобрили на самом верху без единого замечания. Потому что никто толком в план и не вникал. В результате приходилось вносить существенные коррективы и, что называется, перестраиваться по ходу дела.

Вот лишь один штрих. Вся тяжесть планирования операции легла на штаб Объединенной группировки войск, созданный на базе штаба СКВО. А прикомандированные представители Генштаба (несколько сот человек!) выступали в роли консультантов, не неся никакой ответственности за свои «консультации». Мало того что буквально задержали офицеров округа, мешая методичной работе, они не выполнили главную свою функцию: по существу, не предоставили штабу необходимых четких данных о вероятном противнике, степени его готовности, возможном характере боевых действий, ориентировки на командиров незаконных вооруженных формирований и т.п. Фактически планирование операции осуществлялось вслепую.

Могут возразить: но ведь добывать сведения о бандах обязаны спецслужбы — Главное разведуправление (ГРУ), ФСБ (тогда Федеральная служба контрразведки)... Они, мол, и есть главные виновники.

Этот довод в какой-то мере справедлив, но вовсе не снимает ответственности за головоуятие целой оравы понаехавших непонятно зачем московских ге-

нералов и полковников. Шумиха, суэта, атмосфера «начальственного психоза» — все это явно не содействовало нормальной штабной работе. В общем, лиха беда — начало.

Исходя из благого стремления максимально обезопасить личный состав и сохранить жизни мирного населения, командование приняло решение: на первом этапе операции осуществлять выдвижение и вести боевые действия, как правило, до 15–16 часов (пока светло), после чего части и подразделения должны были занимать районы сосредоточения, соблюдая все меры боевого обеспечения. Учитывая, что боевики будут держать на особом прицеле пункты управления, планировалось менять их местоположение через каждые 5–6 часов. Однако такая тактика не дала желаемых результатов, наоборот, замедление темпа продвижения наших войск позволяло противнику наращивать усилия на важных направлениях и наносить удары по расположению наших частей и подразделений.

Действия войск к этому времени приобрели шаблонный характер: 2–3 часа боевой активности днем, причем только при поддержке авиации, и полная пассивность в остальное время суток. Реальной становилась угроза уступить инициативу дудаевцам, которые постоянно держали в напряжении наши части. Очень скоро они приспособились к подобным стандартным приемам, заранее подтягивая дополнительные силы в опорные пункты, перед которыми останавливались наши колонны.

Проведенный через десять дней тщательный анализ действий ОГВ выявил существенные упущения и недостатки.

Во-первых, стало ясно, что войска просто не готовы действовать в подобных ситуациях, выполнять несвойственные им функции. Требовалась подготовка по специальной программе.

Во-вторых, сказывалось то, что все подразделения в составе сводных отрядов были сборными (на 80%), не прошли полный курс обучения и боевого слаживания. А что такое боевое слаживание? Это значит, что экипаж танка или БМП должен быть единой крепкой семьей, где все понимают друг друга с полуслова. Тот же механик-водитель, например, обязан мгновенно улавливать, куда вести боевую машину, где остановиться, где поддать газу, как помочь наводчику точно прицелиться и выстрелить. Что происходит с семьей, когда супруги, знакомые всего несколько дней, попадают в самый сложный житейский переплет?! Неизбежны как минимум ссоры и истерики, а то и полный разлад. У боевого экипажа финал страшнее — смерть.

В-третьих, офицерский состав, особенно младший — от лейтенанта до капитана, — был не подготовлен к управлению в нестандартной обстановке, психологически пасовал перед сложными обстоятельствами. К примеру, скопления людей на дороге офицеры воспринимали как признак борьбы всего местного населения против «агрессоров». Хотя зачастую дудаевцы под угрозой оружия сгоняли мирных людей на маршруты выдвижения наших войск.

В-четвертых, одним из слабых звеньев оказалось управление разнородовыми и разноведомственными силами и средствами (Министерства обороны, МВД, ФПС...).

В-пятых, сказались и такие традиционные наши беды, как слабое использование возможностей боевой

техники из-за постоянных поломок узлов и агрегатов. Что греха таить, старая у нас техника, по 20–25 лет от роду, а то и больше (например, танк Т-62, БМП-1, БТР-70...).

Если говорить о войсковой разведке, то она проводилась от случая к случаю. Между тем разведывательные подразделения нередко использовались не по прямому их назначению (допустим, для охраны командных пунктов). Словом, из всего этого следовал вполне определенный вывод: необходимы кардинальные решения. И они последовали.

Учитывая сложившуюся обстановку, министр обороны П. Грачев своим приказом от 20 декабря 1994 года назначил командующим Объединенной группировкой войск в Чеченской Республике первого заместителя начальника Главного оперативного управления Генштаба генерал-лейтенанта А. Квашнина. И перемены к лучшему мы почувствовали сразу же. Анатолий Васильевич перестроил работу штаба группировки, избавился от части генеральского балласта и ввел некоторые тактические новации. Чтобы активизировать свои войска и дезориентировать полевых командиров относительно истинных замыслов, командующий поставил задачу «на ведение маневренных действий». Что скрывалось за этой формулировкой?

На Восточном направлении сводный отряд парашютно-десантного полка, совершив 160-километровый марш в обход Грозного, выдвинулся в район западнее Аргуна и ночью завязал бой с бандитами, засевшими в хорошо подготовленном опорном пункте. Грамотные и решительные действия роты под командованием старшего лейтенанта В. Хохалева

позволили сковать инициативу противника и ввести в бой главные силы полка. Десантники, разбив бандитов, к концу дня овладели стратегически важным рубежом.

Это оказалось полной неожиданностью для дудаевцев. Потеряв этот район, командование НВФ перебросило сюда крупные резервы из Грозного и Аргуна, в том числе отряды боевиков, усиленные танками, бронетранспортерами, ствольной и реактивной артиллерией. Но к этому моменту полк уже успел подготовиться к отражению атак боевиков. Скоординированная система огня, заминированные участки местности на опасных направлениях, а также удары нашей авиации и артиллерии по колоннам и боевым порядкам противника вынудили его отойти.

Это лишь один из эпизодов, иллюстрирующий существенные изменения в общей картине операции. Ценой больших усилий к концу декабря удалось выправить положение, даже перехватить инициативу. Организованная боевиками оборона населенных пунктов на Грозненском и Назранском направлениях заставила федеральные войска несколько изменить тактику: не занимать их с боями, а просто обходить. В результате тяжелых боев были заняты господствующие высоты и надежно прикрыты коммуникации с севера, запада и востока от чеченской столицы. Войска, не дожидаясь поддержки авиации (она не могла действовать из-за сложных метеоусловий), вышли в назначенные районы и почти полностью блокировали Грозный. Город оставался открытым только с юга. И этот успех в значительной степени — заслуга нового руководства. Назначив Квашнина командующим Объединенной группировкой войск, министр обороны

попал в яблочко. Свое решение впоследствии он объяснял так (приведу текст из газетной публикации):

«Открыто с самого начала против ввода войск выступал только Борис Громов, но и он не подавал в отставку до поры до времени, выжидал.

Еще до ввода войск руководить операцией я назначил командующего войсками Северо-Кавказского военного округа генерал-полковника Митюхина Алексея Николаевича. А сам его подстраховывал. Но Митюхин, когда под станицей Слепцовской началась стрельба, запаниковал. Начал орать на подчиненных, растерялся. Я пробовал успокоить — не вышло. Потом позвонил ему: ты, говорю, видимо, “заболел”, садись на вертолет и лети в Ростов.

Сам начал командовать. Но ведь я не мог, бросив все, заниматься только Чечней. Приглашаю первого заместителя командующего сухопутными войсками генерала Воробьева. В Моздоке он отвечал за подготовку частей к боям. На совещаниях в штабе всегда четко и очень толково делал доклады: товарищ министр, такие-то части готовы идти в наступление, такие-то еще готовятся... Он и сейчас в Государственной думе хочет выглядеть этаким бравым генералом — все знает, все умеет... Я объяснил ситуацию: Эдуард Аркадьевич, Митюхин заболел, сам бог велит вам возглавить операцию. И тут мой дорогой генерал Воробьев, сильно покраснев и помолчав секунд 15–20, вдруг заявил: командовать отказываюсь. Как так? Я вам приказываю! А он: войска не подготовлены. Как это? Почему раньше молчали? Вот ваши доклады, вы отвечали за подготовку. Значит, вы меня обманывали? Вы знаете, чем это грозит? 15 лет или расстрел... Как хотите, отвечает,

так и оценивайте, командовать не буду. В общем, отправил его в Москву, пригрозив судом. Он щелкнул каблуками.

В Москве я обо всем доложил Ельцину, даже сказал, что Воробьева надо судить. Б. Н. попросил подобрать руководителя операции. Генерал Кондратьев мне сразу сказал, что с него хватит октября 93-го года, не выдержит — больной. Миронову даже не предлагал — больной, еще в Афганистане сердце надорвал. Громов отказался, объяснил, что всегда выступал против ввода войск в Чечню, и тут же выразил готовность написать рапорт об отставке. Больше замов у меня не было... В мирное время все хорошие, умные, смелые, а когда начались боевые действия — в кусты. Такое бывает и у генералов».

То, о чем спустя годы рассказал Павел Сергеевич, и тогда уже живо обсуждали в войсках группировки, правда, с оглядкой. А ведь наверняка командиры высокого ранга имели свое мнение, в том числе и относительно отстранения генерала Митюхина и назначения Квашнина. Но слухи слухами, а дела делами.

Не хотелось бы осуждать, критиковать тех или иных политиков, многозвездных генералов за просчеты, ошибки, но некоторых оценок и характеристик не избежать. Ибо как человек военный не могу, например, смириться с таким явлением, когда некоторые военачальники отказывались под любым предлогом выполнять приказ. Горько признавать это, но далеко не все показали на той войне высокий профессионализм, командирские качества, не все генералы смогли (или захотели) взвалить на себя бремя ответственности. И за все это пришлось дорого расплачиваться.

Павел Грачев

Штрихи к портрету

Думаю, уже за одно только смелое решение поставить командующим ОГВ Квашнина министр обороны достоин признательности. Ведь речь идет не просто о росчерке пера под приказом. Такая кадровая рокировка — шаг трудный, за ним — знание ситуации и людей, способных данной ситуацией управлять. Не будем забывать, что новое кадровое назначение последовало уже через девять (!) дней после начала операции. Если бы тянул, сомневался, крови наших солдат пролилось бы несравнимо больше.

Я встречался с Грачевым несколько раз. И в Моздоке, и непосредственно в Чечне. Дважды — в декабре 1994 года и в феврале 95-го — докладывал ему свои соображения по той или иной операции. Помню, в грозненском аэропорту «Северный» он внимательно выслушал меня, задал несколько вопросов и утвердил мой план как командующего Южной группировкой войск. Просил беречь людей, не допускать напрасных потерь.

Мне импонировали его простота в отношениях, открытость с подчиненными. В отличие, скажем, от бывшего министра обороны СССР маршала Д. Язова, который хоть и пользовался уважением в войсках (его опыт, фронтовые заслуги были неоспоримы), но был суров и недоступен. И это вызывало у офицеров элементарное чувство страха. К чему министру обороны оцепенение подчиненных? В армии и так субординация предполагает авторитет должности и погон независимо от личных качеств их носителя. Стоит ли усиливать эффект внешних атрибутов власти еще и личной суровостью, а то и грубостью?

Не стану скрывать, Грачев мне нравился. Молод, решителен, смел, воевал в Афгане... Я даже простил ему невольный обман, или, по нынешней терминологии, подставу. Вовсе не из каких-то шкурных соображений, но тем не менее. История эта требует детального рассказа. Итак.

Был в первую Чеченскую кампанию момент, когда я исключительно по своей инициативе стал встречаться с Асланом Масхадовым. Свел меня с ним наш «переговорщик» — начальник штаба одного из полков. Этот офицер сейчас жив-здоров, учится в Академии Генерального штаба. Не стану раскрывать его фамилию, он был парламентаром, «сводней» между мной и Асланом, поскольку хорошо знал масхадовского «сводню». Того, кажется, звали Иса. В общем, свели нас.

На первой встрече должны были присутствовать сам Масхадов, Шамиль Басаев и еще кто-то. Однако, явившись на «свидание», я увидел только Аслана и Руслана Гелаева (после ранения он хромал). Басаева не было.

Короче говоря, начались переговоры. Я свою точку зрения изложил, Масхадов — свою. Он настаивал на том, чтобы прежде вывести федеральные войска за пределы Чечни, а уж после этого садиться за стол переговоров. Я возразил: нет, такого не будет. И выдвинул несколько встречных требований. Первое — прекратить сопротивление, второе — сложить оружие, третье — передать пленных и только после этого приступить к полноценным переговорам.

В общем, получился некий обмен требованиями сторон. Стало ясно, что мы лично ничего не решим, да и полномочий на это у нас — никаких. Поэтому

условились организовать встречу на более высоком уровне — Дудаева и Грачева. Пусть пообщаются. Может, это принесет какую-то практическую пользу, меньше людей погибнет... Такая была задумка.

Позже Масхадов рассказал мне, что Дудаев был абсолютно безразличен к таким переговорам. Но я-то наивно считал, что позицию Аслана разделяет Джохар! И, соответственно, переговорил со своим министром обороны: так, мол, и так, Масхадов хочет встретиться с вами. «Хорошо, — согласился Грачев, — мы пойдем с ним на переговоры». И назначил время.

Я взял с собой радиостанцию и выехал с охраной в условленное место. Мы свиделись в Новых Атагах. Я обеспечил Масхадову связь с Грачевым. Переговорив лично, они условились о предварительной дате встречи. А я должен был сообщить уже конкретный день и час.

Схема планировалась такая: я прилетаю в Новые Атаги на вертолете, остаюсь там, а Масхадова увозят к Грачеву на этом же вертолете. Я жду, пока Масхадов вернется живым и здоровым.

О своем «заложничестве» я ничего не знал, даже не догадывался. Мне сам Масхадов об этом рассказал, но никто из наших — ни Грачев, ни гээрушники, ни фэ-эсбэшники — даже словом не обмолвились по этому поводу. Держали в секрете.

П. Грачев один раз перенес срок встречи, второй, потом вообще не вышел на связь. И после этих темных игр Масхадов мне сказал (у нас тогда самая короткая встреча была): нет смысла больше встречаться, это ни к чему не приведет, нам с тобой при всем желании проблему не решить. Мы пожали друг другу руки, по традиции обнялись и разъехались. После этого долго

не виделись. Но это, как говорится, дело десятое. Главное в том, что мой противник — Масхадов — вел себя со мной честнее, чем свой министр обороны. Неужели Грачев думал, что, узнав о своем «заложничестве», я струшу и откажусь ехать? Если это так, то обидно. Я без колебаний согласился бы. Но только скажи мне об этом прямо, не темни! Это во-первых.

Во-вторых, мы с Масхадовым провели определенную работу ради прекращения кровопролития. При этом рисковали, грубо говоря, собственными задницами. Аслан мог нарваться на гнев Дудаева, а я — на обвинение в «сговоре с врагом». Тем не менее старались использовать любой шанс для приближения мира. Почему же Грачев так повел себя? Если не верил в успех, зачем в таком случае обещал встречу? Допускаю, что такое решение было навязано кем-то сверху. Но тогда объясни и извинись... Но главный мотив его тогдашнего бездействия мне видится в другом: в тотальном разочаровании Павла Сергеевича в успехе Чеченской войны и во многих серьезных и фундаментальных вещах.

Еще тогда, наблюдая его на совещаниях в Моздоке и Грозном, я обратил внимание на несоответствие потенциала Грачева тому, что он делал и говорил. Например, Павел Сергеевич никогда детально не вникал в наши тактические планы. Выслушает, кивнет головой, задаст пару несущественных вопросов и закончит какой-нибудь «декларацией» типа «Уничтожайте бандитов!», «Берегите людей!», «Побольше награждайте солдат!» и т.п. Все эти пожелания — дело хорошее, но мы, командиры, и без министра знаем, что врага следует бить, а своего бойца беречь и при любой возможности цеплять ему на грудь медаль.

Грачев — опытный вояка, все командные должности прошел, «духов» в Афгане громил, в отличие от большинства из нас, еще не наживших боевого опыта, и от него мы ждали каких-то нестандартных решений, оригинальных подходов, в конце концов, полезной, обучающей критики.

Но, увы, свой афганский опыт он будто в запасник музея спрятал, не наблюдали мы у Грачева какого-то внутреннего горения, боевого азарта... Поставьте старого преферансиста рядом со столом, где идет игра, — он изведется весь от желания включиться в борьбу за прикуп. А тут — какая-то индифферентность, даже отстраненность.

Объяснения мне видятся именно в утрате веры в настоящие перемены. А ведь ради них в августе 91-го он безоглядно пошел за Б. Ельциным, презрев приказы своего министра обороны. Головой рисковал, в прямом смысле слова. Настоящий герой! Но в политике наивный человек. Думал, что с победой новой власти начнется совсем другая жизнь. «Россия вспрянет ото сна, и на обломках самовластья...» А тут такое началось! Беловежские закулисно-хмельные соглашения, распад СССР, безмозглые и безжалостные экономические реформы, повальное бегство офицеров из армии, а дальше — кровавая, ломающая души и судьбы осень 93-го, и в довершение — это требование срочно гнать войска в Чечню.

В общем, так и «не воспрям ото сна», Россия оказалась в глубокой коме. И Павел Сергеевич тоже в какой-то мере приложил к этому руку. Был герой-афганец, популярный в армии человек, а стал «палачом» (как впрямую многие говорили и писали). Родной парламент из танков расстрелял, похвалялся Чечню

одним парашютно-десантным полком взять за два часа...

Вот какие разговоры шли, какой ореол окружал эту фигуру в середине 90-х. Такое не проходит бесследно... И на всю эту внутреннюю сумятицу теперь наслаивались другие переживания — от бесконечных наскоков прессы. Каких только собак на него не вешали! То кличку «Паша-мерседес» прилепили, то депутат Юшенков в суд грозился потащить за оскорбление, то придумали «дело» об участии в разграблении им Западной группы войск, то пошли разборки вокруг генеральских дач... Словом, не министр, а сплошной скандал. Самого Жириновского переплюнул. Рехнуться можно!

А мы, воюющие в Чечне командиры, ждали от него какого-то горения, боевого азарта! До того ли...

Впрочем, министерская жизнь Павла Сергеевича закончилась закономерно. В конце концов Ельцин сдал своего преданного соратника в обмен всё на те же голоса избирателей. Грачев не мог не подать в отставку после назначения А. Лебеда, его ярого противника, секретарем Совета безопасности. И миллионы неискушенных в политике людей радовались низвержению его с олимпа. Известный актер Алексей Петренко так высказался по этому поводу: «Молодец Лебедь! Дураков сымает...»

Любимому мною артисту и многим другим, кто тогда аплодировал Лебедю и обливал грязью Грачева, я хочу сказать: будьте великодушны и мудры. Ведь путь от надежд и иллюзий, через ошибки и заблуждения, к разочарованию прошли сотни тысяч российских офицеров. Павел Сергеевич — слепок армии. Он плоть от плоти наш. Мы вместе с ним верили и наде-

ялись, ошибались и заблуждались, разочаровывались и стыдились и переживали за что-нибудь, по неведению содеянное. И если обозвал С. Юшенкова или правозащитника С. Ковалева — «гаденыш», то (не в обиду им будет сказано) абсолютное большинство военных так их и величали, да и до сих пор величают.

П. Грачев действительно был когда-то любим в Вооруженных силах и особенно — в десантных войсках. Но что любопытно, это чувство уважения к нему среди военных теперь, спустя годы, стало искреннее, сильнее. Потому что есть с чем сравнивать.

Боюсь, многих это мое признание разочарует, но я продолжаю утверждать, что во многом благодаря Грачеву армия не рассыпалась в прах в начале 90-х, как многое в тот период. Военные знают и помнят, что именно Павел Сергеевич понапридумывал массу хитростей, чтобы увеличить денежное довольствие офицерам: то надбавка за напряженку, то пенсионные накрутки, то оплата за секретность и т.п. А разве не его в том заслуга, что не дал крушить армию под видом военной реформы, как того требовали младореформаторы? Уступил он тогда в главном, не было бы сегодня у России армии, как нет у нее, по большому счету, экономики.

Это не мое мнение (я намеренно в данном случае дистанцируюсь от личных характеристик), так считают большинство моих сослуживцев, тех, кто носил и носит погоны.

...После отставки Грачева я не виделся с ним несколько лет. Но в августе 2000-го, через год после начала второй войны, он мне позвонил. Сказал, что помнит и гордится мною. Пригласил к себе на дачу. Я поблагодарил. Признаюсь, было приятно.

Обстоятельства тогда не позволили мне съездить к Павлу Сергеевичу. Но если он повторит приглашение, обязательно навещу. Не буду искать оправданий. И не позволю порочить его. Это мой командир. Под его началом я шел в первый в своей жизни настоящий бой. Такое не забывается...

ОПЕРАЦИЯ БЕЗ НАЗВАНИЯ

Около 10 тысяч хорошо вооруженных боевиков Дудаева готовы были стоять насмерть, защищая Грозный. На вооружении они имели до 25 танков, 30 боевых машин пехоты (БМП) и бронетранспортеров (БТР), до 80 артиллерийских орудий (в основном 122-миллиметровые гаубицы Д-30) и минометов. Несмотря на неоднократные обращения федерального командования с предложением прекратить сопротивление, дудаевцы продолжали укреплять оборонительные рубежи. Их было создано три: внутренний — радиусом от 1 до 1,5 км — вокруг президентского дворца; средний — на удалении до 1 км от первого в северо-западной части города и до 5 км в его юго-западной и юго-восточной частях; внешний рубеж проходил в основном по окраинам города.

На внутреннем рубеже обороны основу составляли созданные сплошные узлы сопротивления вокруг президентского дворца с использованием капитальных каменных строений. Нижние и верхние этажи зданий были приспособлены для ведения огня. Вдоль проспектов Орджоникидзе, Победы, улицы Первомайской были подготовлены позиции, откуда можно было бить прямой наводкой по танкам.

Средний рубеж обороны — это опорные пункты в начале Старопромысловского шоссе, узлы сопро-

тивления у мостов через реку Сунжу, в микрорайоне Минутка, на улице Сайханова. В дополнение к этому готовые в любой момент взлететь на воздух или загореться нефтеперерабатывающие заводы им. Ленина и Шарипова и химический завод.

Внешний рубеж составляли опорные пункты на магистралях Грозный — Моздок, Долинский — Катаяма — Ташкала, у Нефтянки, Ханкалы и Старой Сунжи — на востоке, и Черноречья — на юге города.

Даже беглая характеристика всех этих оборонительных сооружений не оставляла никаких надежд, что боевики так легко сдадутся. Поэтому оставался один-единственный вариант — штурмом брать Грозный и разоружать дудаевцев. Руководство операцией осуществлялось оперативной группой во главе с П. Грачевым. К 30 декабря были созданы группировки войск направлений: «Север» (командующий генерал-майор К. Пуликовский), «Северо-восток» (генерал-лейтенант Л. Рохлин), «Запад» (генерал-майор В. Петрук), «Восток» (генерал-майор Н. Стаськов).

Учитывая реальность активного сопротивления дудаевцев в условиях города, командование приняло решение о создании штурмовых отрядов в составе ударных группировок войск.

Основная задача командующим войсками группировок была поставлена еще 25 декабря. На этом этапе операции предусматривалось, что штурмовые отряды (наступая с северного, западного и восточного направлений) войдут в город и во взаимодействии со спецподразделениями МВД и ФСК захватят президентский дворец, здание правительства, телерадиоцентр, железнодорожный вокзал, некоторые другие важные объекты и блокируют центральную часть

Грозного и район Катаяма. Расчет строился на внезапности действий наших войск, которые при самом худшем варианте развития событий должны овладеть городом в течение нескольких суток.

31 декабря 1994 года началась операция. По мнению некоторых генералов, инициатива «праздничного» новогоднего штурма принадлежала людям из ближайшего окружения министра обороны, якобы возжелавших приурочить взятие города ко дню рождения Павла Сергеевича (1 января). Не знаю, насколько велика здесь доля истины, но то, что операция действительно готовилась наспех, без реальной оценки сил и средств противника, — это факт. Даже название операции не успели придумать.

Исходя из оперативных данных о группировке, оборонявшей город, для штурма необходимо было иметь как минимум 50–60 тысяч человек. У таких расчетов своя логика, проверенная историческим опытом. Вот только один пример из Великой Отечественной войны: с 17 ноября по 16 декабря 1941 года наши войска освобождали город Калинин от фашистов, имея четырехкратное превосходство в живой силе. Это нормальное соотношение атакующих к обороняющимся. У нас же по состоянию на 3 января непосредственно в Грозном было не более пяти тысяч человек, а боевиков, напомним, насчитывалось в два раза больше!

Радиосвязь в подразделениях, штурмующих Грозный, была почти парализована из-за царившей в эфире неразберихи. Между подразделениями практически не было взаимодействия, сказывалась неопытность большинства механиков-водителей танков и БМП. После проведенной огневой подготовки на ряде направлений выдвижения войск образовались труднопроходимые

завалы. Смешанные колонны (автомобили и бронетанковая техника) растягивались вдоль узких улиц, не имея пространства для маневра. В результате из зданий пехоту и технику расстреливали в упор.

Командиры, начиная от комбата и ниже, фактически не имели карты Грозного, отсюда и частые сбои с маршрута, утрата ориентировки. А если у кого и были карты, то в лучшем случае образца 1980 года, сильно устаревшие, на которых отсутствовали целые микрорайоны.

По сути, боевики только и ждали появления бронетехники в городе, действуя по ставшей классической схеме, которую применяли душманы в Афганистане: огонь наносился по головной и замыкающей машинам в колонне, после этого следовал шквальный огонь из окружающих домов по остальной, «запертой» бронетехнике.

По основным городским магистралям танки и БМП прорвались в центр города, но, оставшись без поддержки мотострелков, в большинстве своем были подбиты из противотанковых гранатометов.

Фактически эффект внезапности был нами утерян, сложилась катастрофическая обстановка. В город смогли прорваться лишь группировки «Север» и «Северо-восток», но они вели бои в окружении превосходящих сил противника.

Дважды командование Объединенной группировки войск (ОГВ) пыталось заставить командира 19-й мотострелковой дивизии полковника Кандалина наступать, но не действовали ни просьбы, ни приказы. Мотострелки продолжали стоять, а в это время у железнодорожного вокзала в полном окружении, захлебываясь в крови, вели смертельные бои подразделе-

ния 131-й бригады и 81-го мотострелкового полка. Отсутствие тесного взаимодействия с мотострелками и нерешительность генерал-майора Петрука словно парализовали активность десантников.

Утром 1 января поступил приказ Грачева командующим группировками войск Западного и Восточного направлений прорваться к блокированным подразделениям в районах железнодорожного вокзала и президентского дворца и попытаться спасти наших ребят. И эти задачи также не были выполнены.

Особо хочется сказать о сводном отряде 131-й майкопской бригады под командованием полковника И. Савина. До сих пор многие россияне (и не только они) уверены, что в тот первый день 1995-го на грозненском железнодорожном вокзале погиб почти весь личный состав бригады. А это далеко не так.

Сводный отряд, насчитывающий чуть больше трехсот (!) солдат и офицеров, должен был отсечь подход подкрепления боевиков в центр города из района Катаямы, но, не встретив сопротивления, проскочил нужный перекресток, потерял ориентировку, вышел к железнодорожному вокзалу, где уже сосредоточился батальон 81-го полка. И тут роковым образом ошибся полковник Савин, посчитав, что в районе вокзала уже нет противника. Батальоны, встав колоннами вдоль улиц, не позаботились об организации обороны, не выставили блокпосты по маршруту движения (хотя эта задача ставилась подразделениям ВВ МВД РФ), не провели надлежащую разведку. Дудаевцы сразу же этим воспользовались. Сюда скрытно были переброшены отборные силы боевиков — «абхазский» и «мусульманский» батальоны, численностью свыше тысячи (!) человек.

Обстрел вокзала начался еще вечером 31 декабря. Боевики атаковали с трех сторон, близко не подходили, а вели огонь из гранатометов, минометов и орудий. Более суток мотострелки отражали яростные атаки дудаевцев. Утром 2 января полковник Савин решил на прорыв. Мотострелкам при поддержке двух танков с трудом удалось вырваться из окружения, потери составили больше семидесяти солдат и офицеров. Погиб и сам комбриг Иван Савин. Но и боевики понесли ощутимые потери: свыше трехсот убитых. Об этом бое рассказывают много небылиц. К созданию мифов причастны и некоторые отечественные СМИ, озвучивавшие информацию чеченской стороны. Я же здесь привожу реальные факты.

Свою злую роль в те дни сыграл психологический прессинг, который боевики оказывали на наших военнослужащих. Выходя в эфир на радиочастоты федеральных войск, дудаевцы предлагали нашим солдатам большие деньги за дезертирство, огонь по своим и особую мзду — за физическое устранение командиров.

Мовлади Удугов

Штрихи к портрету

Этот человек занимает особое место в галерее известнейших чеченских сепаратистов, его называют непревзойденным пропагандистом «чеченской национальной революции». Стало расхожим утверждение, что ему удалось в одиночку выиграть информационную войну в 1994–1996 годах у целого полка российских военных идеологических бойцов. Последнее, замечу, не так уж далеко от истины. Хотя вернее было бы сказать, не столько он выиграл информационные

бою, сколько мы их проиграли, особенно в начале первой Чеченской кампании.

Мовлади Удугов (настоящая фамилия Темишев) родился в 1962 году в Грозном. Во времена горбачевской перестройки — активист общественных движений «Кавказ» и «Барт», выступавших с антирусскими программами. В декабре 91-го назначается министром информации и печати Чечни, а с февраля 95-го становится фактически пресс-секретарем Д. Дудаева. Ярый сторонник построения на Северном Кавказе независимого от России исламского (ваххабитского) государства от Каспийского до Черного морей. Лично знаком с влиятельными зарубежными лидерами ваххабизма. Крайне отрицательно относится к исламу традиционного для Кавказа суннитского толка. Поддерживает постоянные связи с ведущими иностранными корреспондентами, аккредитованными в России. По утверждению людей из его окружения, щедро одаривал некоторые наши центральные телекомпании и газеты за антиармейские материалы из Чечни.

Мовлади сызмальства мечтал стать известным журналистом. Еще в школьные годы активно сотрудничал в республиканской молодежной газете «Комсомольское племя». Сверстники и наставники не скупались на похвалы «талантливому» юноши, предсказывая ему блестящее журналистское будущее. Окончив школу, он поехал покорять Москву, однако две попытки поступить в престижный МГУ на журфак завершились полным провалом. Это был первый чувствительный удар по его амбициям.

Вернувшись домой, Удугов устроился работать в газету «Комсомольское племя». Заочно окончил в 1988 году экономический факультет Грозненско-

го университета. В период учебы попытался занять освобождающееся кресло редактора университетской газеты, но неудачно.

Единственный номер, который ему доверили выпустить, был признан идеологически вредным. За националистические настроения Удугову даже отказали в приеме в члены КПСС. В прежнее время с пропагандой не шутили.

Неизвестно, чем бы для вольнодумца все это закончилось, но наступила перестройка, обострившая националистические настроения, и пришла мода на сепаратизм. Для Удугова это была родная стихия.

Чем больше местных звезд журналистики русских, еврейских, армянских и других кровей покидали Чечню, тем громче звучал голос молодых чеченских репортеров-радикалов, успевших вкусить прелесть информационной власти.

Мовлади старался больше других, выступая на митингах с экстремистскими призывами превосходства чеченцев над другими народами Кавказа. Удугов понравился тогдашним республиканским лидерам, и его все чаще стали приглашать на сходки новой политической элиты. Иные воспользовались бы моментом, чтобы заполучить влиятельные посты, но он не стал суетиться в поисках хлебного места. Его интересы лежали в другой плоскости. Мовлади всерьез готовился к информационным битвам.

Когда в Чечне запахло войной, Удугов явился к президенту Дудаеву с развернутым планом идеологических диверсий против Российской армии. Стержнем «концепции» был тезис об особой роли газет, радио, телевидения как боевых средств ведения идеологической войны, что основным в предстоящей

работе должно стать не информирование отечественной и зарубежной общественности о происходящих событиях, а «создание» самих событий. В переводе на язык спецслужб это означает сознательный обман, дезинформация людей с целью формирования необходимых условий для жизнедеятельности местной элиты, сумевшей в своих руках сосредоточить власть, деньги и оружие. План Джохару понравился, и он дал добро на его осуществление.

В период первой Чеченской кампании Мовлади активно использовал арсенал средств, очень напоминавших те, что применяла геббельсовская пропаганда, чей главный принцип: ложь, сказанная в тысячу первый раз, становится правдой. Он умело адаптировал к новым условиям и другой небезызвестный постулат: «Чем откровеннее ложь, тем охотнее в нее верят».

Многие журналисты ехали тогда на Чеченскую войну в поисках славы и денег. Только суточные у многих российских телевизионщиков превышали сотни долларов.

В первые дни боев в декабре 1994 года у ворот КПП вблизи Моздока, где расположился штаб Объединенной группировки войск, толпились журналисты в ожидании информации, но московские идеологические чиновники всячески избегали таких встреч. И неудивительно, что вся пишущая и снимающая братия бросилась искать новые источники новостей. Так, многие из них оказались в кабинете Удугова. К встречам со своими «дорогими коллегами» он готовился основательно. К их услугам всегда были «свежие свидетели» зверств наших солдат, сомнительного вида «солдатские матери» с жуткими историями

службы своих сыновей, повергавшими в шок тысячи российских матерей.

Все было продумано до мелочей: кому — виски, кому — баксы, кому — краденую машину, кому — эксклюзив с Дудаевым. Всем — внимание, всем — информация, всем — вечная дружба.

Его заслуги были оценены военно-политическим руководством мятежной республики. И вскоре после окончания боевых действий он возглавил так называемое министерство иностранных дел, а затем его назначают вице-премьером.

Многие аналитики, в том числе и на Западе, склонны считать ритуальное отрезание голов у граждан Великобритании и Новой Зеландии частью дьявольского плана противников Масхадова по его дискредитации и устранению с политической сцены. И одним из разработчиков этого проекта называют «серого кардинала Ичкерии» Мовлади Удугова. На фоне террористов-отморозков, способных без разбора казнить людей, отрезать у них уши, головы, он выглядит таким просвещенно-рафинированным политиком.

Для создания новой цементирующей чеченское общество идеологии Удугов использовал идеи национализма и исламизма. Не без его активного участия организовывалось молодежное движение «Нохчи», чья деятельность базируется на идеях особой миссии чеченцев на Кавказе, их превосходстве над другими кавказскими народами, не говоря уж о славянах. Но такой подход к переделу сфер влияния был пригоден только для «внутреннего потребления», у соседних народов он не мог вызвать понимания и поддержки, что и подтвердил кризис в бывшей Конфедерации народов Кавказа. Все попытки чеченцев добиться

в ней безусловного лидерства потерпели фиаско. Как известно, на Северном Кавказе в исламе суннитского толка веками наибольшим влиянием пользовались чеченцы. Чтобы исправить эту «историческую несправедливость», Удугов идет на хитрый трюк. Во многом благодаря именно его стараниям создается новая Конфедерация народов Кавказа под зловещными знаменами ваххабизма. В качестве организационно-идеологического стержня выступает идея так называемой исламской нации. Правда, при этом замалчивается, что возглавлять эту нацию будут чеченцы, а пушечным мясом станут дагестанцы, ингуши, карачаевцы, кабардинцы. Даже Адолло Алиеву, одному из лидеров дагестанских ваххабитов, отводилась третьестепенная роль.

Провал агрессивного наступления чеченских террористов на Дагестан в 1999 году серьезно сказался на репутации Удугова. Информационное обеспечение бандитской акции на этот раз было не на высоте, слишком явными оказались просчеты.

Чего стоит такой ляп, когда подготовленный боевик объяснял телезрителям, что питаются ваххабиты не ворованной у дагестанцев живностью, а якобы той, что подстрелена российскими солдатами. Такое сообщение могло вызвать только усмешку, ведь любой ребенок здесь знает, что мусульмане, а тем более последователи «чистого ислама», падалью не питаются. Такого рода проколы не могли остаться незамеченными, и его авторитет специалиста по психологической борьбе оказался серьезно подорван. Он все реже дает свои интервью за рубежом, исчез с российских телеэкранов, на него уже не ссылаются уважающие себя СМИ.

Поговаривают, что нынче пороги арабских банков обивают чеченские политики новой волны, готовые заменить дискредитировавших себя чеченских лидеров. И находят, как когда-то Удугов, поддержку и понимание. Восток, как известно, дело тонкое.

КОЕ-ЧТО О ПЛЕНЕ...

В боях за Грозный появились первые пленные, вокруг которых развернулись баталии с участием московских политиков, правозащитников и журналистов. Особо недобрую роль в этом сыграл тогдашний уполномоченный по правам человека в РФ С. Ковалев, который открыто призывал наших солдат сдаваться в плен под его могучие гарантии освобождения. А о том, что их ждет в плену у «добрых» чеченцев, особо и не задумывались. Приведу здесь слова капитана Сергея Н., томившегося восемь месяцев в яме под Шали: «Об одном просил Бога — быстрее умереть...» Об избиениях, садистских пытках, публичных казнях и прочих прелестях чеченского плена говорить можно долго — читателя этим не удивишь. Но вот отрубание голов, снятие кожи и скальпов с живых солдат, распятые тела в окнах домов — с таким федеральным войскам впервые пришлось столкнуться в Грозном.

К сожалению, мы не готовили наших солдат к тому, что их может ожидать в плену. Но почему? Боялись травмировать психику, вселить в сердца страх? Да нет, по давней российской привычке надеяться на авось.

Одно из любимых зрелищ боевиков в первую войну были драки между невольниками. Думаю, особо стоит сказать и об этом. Боевики часто устраивали что-то

вроде гладиаторских поединков, выиграешь — будешь жив, а проиграешь — значит, сам выбрал смерть.

Чтобы сохранить жизнь, некоторые узники соглашались принять ислам. Потом «новообращенцы» в телевизионных интервью рассказывали, что быть мусульманином — значит служить истине, что Россия — агрессор и в Чечне занимается несправедным делом, а вот чеченцы (т.е. бандиты) праведники, они ведут священную войну против гяуров. Не говорили только об одном нюансе: принятие ислама окроплялось кровью: перед тем как принять ислам, пленник должен был застрелить или зарезать своего же товарища-пленного. Так что смена вероисповедания в тех условиях была не только религиозным актом.

Но как ни старались дудаевцы морально сломить наших солдат и офицеров, им это не удалось. Даже в первые дни штурма Грозного, когда многих охватил страх и отчаяние от безвыходности ситуации, проявлено немало примеров мужества, стойкости. Танкист лейтенант В. Григоращенко — прототип героя фильма А. Невзорова «Чистилище», распятый на кресте, навсегда останется образцом для нынешних и будущих защитников Родины. Тогда в Грозном дудаевцы искренне восхищались офицером из бригады спецназа СКВО, в одиночку сдерживавшим натиск неприятеля. «Всё! Хватит! Молодец! — кричали окруженному и раненому русскому воину. — Уходи! Мы тебя не тронем! Мы вынесем тебя к твоим!» — пообещали чеченцы. «Хорошо, — сказал лейтенант. — Согласен. Идите сюда!» Когда те приблизились, офицер подорвал и себя, и боевиков гранатой. Нет, ошибаются те, кто утверждал, что в результате «новогоднего» штурма федеральные войска были разгромлены. Да,

мы умылись кровью, но показали, что и в нынешнее время — время размытых идеалов — в нас жив героический дух предков.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ

В начале января 1995 года командующим группировкой войск «Запад» вместо отстраненного генерал-майора Петрука был назначен генерал-майор И. Бабичев, а командиром 19-й мотострелковой дивизии вместо снятого с должности полковника Г. Кандалина — полковник В. Приземлин.

На Северном направлении две группировки были объединены в одну — «Север» — под общим командованием генерал-лейтенанта Л. Рохлина. Буквально в считанные дни предпринятые кадровые перестановки дали свои результаты. Значительно улучшилась управляемость подразделений и частей. Но вместе с тем боевые действия в Грозном начали приобретать затяжной характер, мы все постоянно думали о том, как избежать больших потерь.

14 января в 4 часа утра (еще затемно) я выехал с колонной машин в Грозный. Привожу записи из дневника:

14.01.95 г.

4:00

Начал движение. Со мной полковники Шубин, Привалов, подполковник Зайчиков. Первые выводы по ходу марша:

— дорога очень тяжелая, особенно для колесных машин;

- часть пути (от брода до Грозного) опасна для движения без надежной охраны (на колонну из 10–15 машин необходимо для охраны 2 БТР; из 20–25 машин – 3–4 БТР; более 30 машин нецелесообразно иметь в колонне);
- связь в колонне обязательна;
- самое главное – хорошо знающий маршрут офицер (проводник).

14:00

Прошли огневые позиции и тыловой район всей группировки «Запад».

16:00

Вошли в город со стороны дач и сосредоточились в парке им. Ленина. Встретился с генералом Бабичевым, офицерами управления, уточнил обстановку, заслушал просьбы.

21:30

Доложил начальнику штаба Объединенной группировки войск генерал-лейтенанту Л. Шевцову о прибытии и решаемых вопросах.

22:00

Узнал о потерях за прошедший день:

- погибли офицер и журналист в районе рынка,
- убит снайпером командир батальона ВДВ;
- имеются случаи мародерства. По этой причине убито уже 4 солдата.

В течение всей ночи артиллерия боевиков вела огонь по группировке наших частей.

15.01

С утра переговорил с начальником штаба корпуса генералом Е. Скобелевым. Уточнил по вышедшей колонне с боеприпасами и людьми.

В Грозном наш командный пункт располагается на стадионе «Терек»...

В этом городе прошло мое детство. Последний раз я был здесь в конце 80-х. Приезжал на могилу своих родственников. Здесь похоронены сестренка, бабушка, тетя и дядя. В январе 95-го я не смог попасть на кладбище, оно было заминировано, зато побывал в своем доме. В городе еще шли бои, поэтому пришлось сесть на броню и взять охрану. Знакомую улицу Коммунистическую нашел сразу. Там еще маршрут автобуса проходил. Остановка называлась «Деловая».

Подъехали к дому. Все забито, заколочено досками. Постучал. Дверь открыл молодой парень, лет двадцати семи, чеченец. Он знал мою двоюродную сестру. «Я слово сдержал, сохранил, что смог», — сказал парень и пригласил в дом. Только в сарай попал снаряд, угол снесло, а все остальное уцелело.

Пришли пожилые женщины, почему-то все черные, худые, заплакали. Одна из них меня узнала. Я когда позже матери это все рассказал, она тоже не сдержала слез.

Гвоздем застрял в памяти еще один эпизод. Молодая беременная женщина с Урала приехала в Грозный к своей матери, а тут война. Рожала под бомбежками, в подвале. Роды принимала соседка-старуха. Я помог женщине выбраться из города. Ее на бронетранспортере доставили на аэродром «Северный», затем переправили в Моздок, а оттуда — на Урал.

— Мы, товарищ генерал, обязательно увидимся, — трогательно пообещала она на прощание.

Не знаю, где она сейчас. Дай бог здоровья ей и ее дочери, родившейся под бомбежками в январский день 1995-го.

В конце января меня назначили командующим группировкой войск «Юг». Позвонил генерал А. Квашнин: «Почему не возглавляешь группировку?» — «Какую группировку? — спрашиваю недоуменно. — Мне поставлена другая задача». — «Давай ко мне в Моздок», — приказал он.

На перекладных добрался до штаба ОГВ. Доложил обстановку, уточнил детали и тонкости. Тем более что я только что по своим войскам проехал. Прямо здесь на совещании узнал, что буду командовать «Югом». В Моздоке в эти дни планировались боевые действия на завершающем этапе. Причем привлекали к этой работе минимальное количество генералов и офицеров. Слава богу, хоть какие-то выводы сделали.

Замысел операции был такой: частью сил группировки «Юг» после маневра с северного направления перекрыть важнейшие транспортные коммуникации, захватить господствующие высоты и завершить полное блокирование Грозного с юга. А дальше вступали в действие штурмовые отряды группировок войск «Север», «Запад» и «Юг». Они по сходящимся направлениям завершали окружение и разгром отрядов Дудаева.

Этому способствовали реальные успехи федеральных сил накануне завершающего этапа операции: постоянно велась разведка и уточнялись места скопления боевиков, их основные опорные пункты и узлы сопротивления. К тому же войскам за месяц боев удалось стабилизировать и упрочить положение во всех районах города. Мы планомерно преодолева-

ли упорное сопротивление фанатично настроенных боевиков и особенно так называемых спецотрядов («Кавказские львы», «Волки» и другие банды воображали себя невесть кем; многие называли себя «камикадзе» и даже воевали с катанами — самурайскими мечами). Наши войска захватили плацдармы на восточном берегу реки Сунжи, значительно расширили их, выставили блокпосты на основных перекрестках улиц, обеспечили тем самым продвижение штурмовых отрядов.

Завершающий этап операции начался 3 февраля. Двумя полками группировки «Юг» был осуществлен маневр из района Ханкалы на юг и юго-восток чеченской столицы.

324-й мотострелковый полк, совершив бросок под непрерывающимся артиллерийским и минометным огнем противника, оседлал дорогу на Пригородное — Гикаловский и обеспечил тем самым выдвигание 245-го мотострелкового полка и тыловых подразделений с боеприпасами. Затем полк блокировал дорогу южнее Гикаловского и перекрыл направление Шали — Грозный и Хасавюрт — Грозный.

Понимая, насколько важны транспортные коммуникации, боевики попытались сбросить наши войска с дорог. Они атаковывали в течение трех суток, применяя танки, БТР, БМП, артиллерию (в том числе и реактивную). При этом стремились перебросить резервы в город с направлений Пригородное, Гикаловский и Чечен-Аул. Но все старания боевиков были тщетны.

В эти же дни войска группировок «Север» и «Запад» приступили к ликвидации отрядов боевиков в зданиях, примыкающих к площади Минутка. Од-

новременно были захвачены плацдармы на восточном берегу реки Сунжи и осуществлен выход с боем наших подразделений к улице Сайханова.

Для расширения плацдарма требовались тяжелая техника и вооружение, но мост в этом районе был разрушен. Предпринятые попытки восстановить его не остались незамеченными: боевики отвлекли значительную часть сил с других направлений. Завязался бой. Генерал Бабичев и полковник Приземлин решили использовать это как отвлекающий фактор. Преодолев реку ниже по течению по двум переправам вброд и одной десантной переправе на плавтехнических средствах (ПТС), передовые подразделения группировки «Запад» без потерь разгромили противника и выполнили поставленную задачу.

В течение 5–7 февраля действиями штурмовых отрядов десантников (из района улицы Павла Мусорова) были захвачены больница, ряд высотных зданий и заблокирован район Минутка с запада.

Штурмовые отряды группировки войск «Север» (генерал Рохлин), наступая в направлении проспекта Ленина, захватили и взяли под свой контроль комплекс зданий на площади Борьбы. Затем из района трамвайного парка «северяне» совершили обходной маневр, выбили противника из высотных зданий на улице Гудермесская и завершили блокирование района Минутка с северо-востока и востока. Таким образом, в течение февраля Грозный был окончательно заблокирован со всех сторон.

В боях за чеченскую столицу и на подходах к ней дудаевцы понесли значительные потери:

– свыше 7 тысяч убитыми, 600 пленными;

– было уничтожено танков — более 40, БМП и БТР — свыше 50, орудий и минометов — более 100, разбиты почти все имевшиеся самолеты и вертолеты;

– кроме того, захвачено 15 танков, 70 БТР и БМП, более 60 орудий и минометов.

К сожалению, немалые потери понесли и федеральные войска, особенно в первые дни 1995 года. Погибли и пропали без вести более полутора тысяч солдат и офицеров. А если быть абсолютно точным, то всего с 31 декабря 1994 года по 1 апреля 1995 года, по данным Генштаба, в Объединенной группировке войск погибло 1426 человек, ранено 4630 военнослужащих, 96 солдат и офицеров оказались в плену.

Увы, не все потери на войне можно считать боевыми. Есть и так называемая пьяная статистика. Хотя ее специально тогда никто не вел. А жаль.

Вспоминается случай в августе 1996 года, когда боевики прорвались в Грозный. Штурмовые отряды 205-й мотострелковой бригады двинулись на помощь десантникам, в полном окружении оборонявшим Дом правительства. Но в одном из подразделений контрактники были пьяны, заплутали в городе, в результате подразделение вовремя не прибыло в указанный район. Когда виновников привели ко мне на командный пункт, я не мог сдержаться, закричал: «Здесь война, а не кабак!» «Арестовать и немедленно расстрелять!» — приказал командиру роты.

Контрактники, услышав такой приговор, мгновенно протрезвели и буквально взмолились: «Пощадите!»

Выдержав паузу, я, конечно же, отменил свой «приказ».

– Вы что, действительно хотели их расстрелять? — спросил у меня кто-то из штабных офицеров.

— Нет, конечно, — ответил я. — Но хотя бы диким страхом нужно выбить из них эту пьяную вольницу, иначе таких бед натворят...

Кстати, замечу тем, кто считает боевиков трезвенниками: они не только пьянствовали, но еще себя и наркотиками накачивали. И если оставаться в русле сравнений, надо подчеркнуть, что Грозный зимой 95-го мы взяли, не имея преимущества в живой силе и превосходства в технике, а это значит — головы наши были яснее, а сердца тверже, чем у противника.

Глава 2

УКРАДЕННАЯ ПОБЕДА

...ЧТОБЫ НЕ НАСТУПИТЬ НА ГРАБЛИ ДВАЖДЫ

По состоянию на 1 марта 1995 года общая численность личного состава незаконных вооруженных формирований, без учета потенциальных резервов в горных районах, достигала более девять тысяч человек, из которых более трех с половиной тысяч — наемники и добровольцы из ближнего и дальнего зарубежья. На их вооружении имелось: более 20 танков, 35 БТР и БМП, 40 орудий и минометов, 5–7 установок «Град», 20 зенитных систем. При этом только за февраль количество бронетехники увеличилось вдвое в результате налаженного на промышленных предприятиях Шали и Гудермеса ремонта, возросли также поставки оружия через Азербайджан и Грузию.

Дудаевцы продолжали перегруппировку сил и средств, готовясь к дальнейшей борьбе. Основное внимание уделялось укреплению обороны на Гудермесском и Шалинском направлениях. Группировки

боевиков здесь, в сложившейся ситуации, становились главными, поскольку центр активного противостояния федеральным войскам переместился в восточные и юго-восточные районы республики. Неудивительно поэтому, что возглавил шалинскую группировку сам Аслан Масхадов. Активно шли инженерные работы по созданию новых и усовершенствованию уже существовавших рубежей обороны. Боевики заранее позаботились о базах с оружием, боеприпасами, медикаментами и продовольствием, позволявших длительное время автономно вести боевые действия.

На востоке республики особо выделялись Аргунский, Шалинский и Гудермесский узлы обороны. Выгодное в военном плане географическое положение (господствующие высоты, ограниченные возможности для скрытого выдвижения федералов), а также множество разветвленных водных преград (крупные реки, многочисленные каналы) — все это естественным образом укрепляло и без того мощные очаги сопротивления.

К примеру, Шалинский узел включал два хорошо подготовленных рубежа обороны. Один — на обоих берегах реки Аргун, на участке Чечен-Аул, Старые Атаги и Белгатой — Новые Атаги, второй — собственно Шали и его ближайшие пригороды — с развитой сетью подъездных путей, что позволяло противнику при необходимости оперативно осуществлять маневр силами и средствами. По нашим данным, здесь было сосредоточено до 1 700 боевиков, танки, артиллерия и минометы, несколько реактивных установок. Не исключалось, что в любой момент к ним могли подойти отряды боевиков (до 500 человек) с техникой из Веденского района и населенных пунктов Курчалой и Автуры.

А у нас? После взятия Грозного произошли серьезные изменения в руководстве. Генерал А. Квашнин был назначен командующим войсками Северо-Кавказского военного округа (СКВО) и улетел в Ростов-на-Дону принимать дела. Вместо него Объединенную группировку войск возглавил генерал А. Куликов, который до этого по штату был командующим внутренними войсками МВД. На него отныне возлагалось и планирование операций по разгрому незаконных вооруженных формирований в предгорьях Чечни.

Войскам моей группировки «Юг» предстояло действовать на Шалинском направлении. Операцию планировалось провести в три этапа. На первом — создать ударные группировки. На втором — в течение нескольких суток блокировать Шали и зарезервировать при этом необходимые силы и средства на тот случай, если на помощь окруженным поспешат боевики с других направлений. На третьем этапе — непосредственно осуществить разоружение боевиков в Шали. При этом строго предписывалось проводить выдвижение войск только после гарантированного поражения огневых средств противника в районе выполнения боевых задач.

13 марта А. Куликов утвердил мой план, а на следующий день с утра я вылетел вертолетом на рекогносцировку. Вернулся в Ханкалу только вечером. Не успел умыться, как появился начальник штаба моей группировки полковник В. Кондратенко.

— Товарищ генерал, офицеры штаба собрались в палатке и ждут вас, — как-то смущенно сообщил он.

— А по какому такому поводу собрались? — решил уточнить я.

— Как по какому? — удивленно переспросил полковник. — Вы что, забыли? У вас же сегодня день рождения...

Я действительно забыл, так вымотался, что из головы вылетело. Все мысли только о предстоящей операции.

Это был мой первый день рождения на войне, поэтому помнится по-особому. Впервые мне ничего не подарили, не до того. Но тогда, в палатке, один из офицеров (не помню кто) сказал:

— Пусть нашим подарком вам, Геннадий Николаевич, станет разгром бандитов в предгорьях Чечни...

Создав ударные группировки и завершив их выдвижение в исходные районы, войска («Севера» и «Юга») приступили к блокированию населенных пунктов Аргун, Гудермес, Шали, Герменчук, Новые Атаги. А началось все мощными ударами авиации и артиллерии по опорным пунктам и базам боевиков...

И в этой связи не могу не сказать несколько слов о боевом применении авиации в первой Чеченской войне.

Специально предназначенная для ликвидации бандформирований авиационная группировка размещалась на нескольких аэродромах. Еще до того, как войска начали выдвижение на территорию Чечни, наши летчики нанесли бомбо-штурмовые удары по четырем аэродромам (Ханкала, Калиновская, Грозный-Северный и Катаяма). Было уничтожено 130 самолетов и 4 вертолета, склад ГСМ, антенное поле, в результате ни один самолет чеченских ВВС так и не поднялся в воздух. В последующем мы постоянно чувствовали поддержку с воздуха. Летчики только в первые месяцы войны уничтожили и вывели из

строю около 100 особо важных объектов, в том числе президентский дворец, телецентр, танкоремонтный завод, более 20 складов вооружения и боеприпасов, около 50 опорных пунктов противника, в частности, укрепрайон вблизи Аргуна, базы в районах Бамута, Шали, Самашек, Черноречья...

Ударами с воздуха уничтожено более 40 единиц бронированной техники, 150 автомобилей, 65 единиц зенитных средств. А как боевики боялись сброшенных осветительных бомб, какое сильное психологическое воздействие на них оказывали так называемые агитационные бомбы.

Результаты, безусловно, впечатляли, тем более личному составу авиационных полков пришлось начинать подготовку к операции фактически с нуля. Из-за отсутствия авиатоплива, запчастей и других материальных средств летчики ударной авиации, особенно бомбардировочной, в течение 1994 года занимались в основном восстановлением утраченных навыков в технике пилотирования и лишь изредка выполняли полеты на боевое применение. Опыт имели лишь те, кто прошел через горячие точки, например Таджикистан.

Кроме того, проведенные в последние несколько лет (в рамках «военной реформы») сокращения и структурные реорганизации негативно сказались на боеспособности частей, органов управления, систем связи. Если к штурмовикам, действовавшим по вызову, особых претензий не было, то у бомбардировщиков были немалые сложности. Например, отсутствие надежных агрегатов съёмного вооружения самолетов не позволяло в полном объеме использовать боевые возможности СУ-24.

Многие авиаторы, как выяснилось, не имели новых топографических карт крупного масштаба, что затрудняло поиск и обнаружение наземных целей. Не было опыта работы в горной местности. Давала о себе знать нестыковка с другими силовыми структурами в организации поисково-спасательного обеспечения (ПСО) боевых действий, а попытка создать такую единую систему не встретила поддержки в МВД и погранвойсках... В общем, масса проблем. Но и в таких условиях авиация делала свое многотрудное дело. Не случайно бандиты постоянно охотились за нашими летчиками и предлагали за их поимку большие деньги.

Теперь об артиллерии. При подготовке Шалинской операции мы уделили ей особое внимание. До сих пор с благодарностью вспоминаю полковника А. Куадже, начальника ракетных войск и артиллерии 42-го корпуса. Всю первую войну он находился рядом со мной. «Пушкарь от бога». Многие годы прослужил на Северном Кавказе, в том числе и на территории бывшей Чечено-Ингушской АССР. Без него нашему штабу пришлось бы крайне трудно.

Нетрадиционный характер боевых действий потребовал от артиллеристов соответственно и нестандартных подходов к выполнению тактических задач.

Мы, например, в своей группировке отработали в первую очередь вопросы взаимодействия артиллерийских, общевойсковых и других частей, участвующих в операции; любые недочеты здесь могли привести к страшным ошибкам — выбору не тех целей, которых требовала тактическая обстановка, несвоевременному открытию огня и даже обстрелу своих войск. Ведь у артиллерии нет собственных целей в бою, их им дают подразделения других родов войск.

Именно поэтому согласованности, тесного взаимодействия прежде всего добивался полковник Куадже. Еще свежи были в памяти январские бои в Грозном, когда, случалось, общевойсковые командиры, не задумываясь, вызывали огонь целого артиллерийского дивизиона по пулеметчику-одиночке или по двум-трем окапывающимся боевикам. И это при дальности стрельбы более 10 километров, да еще без пристрелки! Бывали и приказы открыть огонь по противнику, находящемуся от наших войск всего в 70–100 метрах. А это чаще всего — верная гибель от своих же осколков... Нельзя было повторять трагические ошибки, вторично наступать на те же грабли.

Но вернусь к Шалинской операции. Боевики, как мы и предполагали, оказывали упорное сопротивление. Действовали по уже знакомой нам схеме. Опорные пункты в селах устраивались, как правило, в капитальных каменных строениях, где оборону держали одна или несколько боевых групп по 5–6 человек в каждой (1 снайпер, 1 гранатометчик, 2 помощника гранатометчика, 1–2 стрелка). На подступах к населенному пункту оборудовали окопы для орудий и бронетанковой техники, траншеи и укрытия.

Зная по опыту, что тяжелые огневые средства бандформирования применяют чаще всего рассеянно и крайне редко — в составе батареи, я приказал полковнику А. Стыщине (начальнику разведки корпуса) выявить, по возможности, все отдельные орудия, «кочующие» минометы (на автомобилях) и т.п. Понимал, как это трудно сделать, и тем приятнее было, что разведчики не подвели, помогли «пушкарям».

На этот раз артиллеристы сработали четко, и боевики понесли значительные потери.

Не могу не сказать еще об одной, пожалуй, самой главной особенности не только Шалинской, но и последующих операций. Дело в том, что, освобождая населенные пункты, мы не должны были допустить разрушений жилых домов, больниц, школ, детских учреждений (что, к сожалению, имело место в Грозном). Поэтому артиллерия вела огонь по выявленным целям в основном на подступах, а в самих селениях действовали штурмовые отряды и маневренные группы. Обычно это происходило так: армейские подразделения блокируют село, подавляя огнем артиллерии и авиации опорные пункты и места скопления боевиков, после чего входят подразделения внутренних войск и спецназа для проведения зачистки. Именно так действовали войска не только в Шали, но и в Гудермесе, Аргуне.

События развивались так: 23 марта мы штурмом взяли Аргун, 30-го — Гудермес, причем, замечу, с минимальными для нас потерями. Дольше и ожесточеннее других сопротивлялось Шали.

Штаб А. Масхадова располагался в подвале здания бывшего райкома компартии. А мой командный пункт — на высоте Гойтенкорт, господствовавшей над населенным пунктом.

Кто-то из офицеров притащил на КП старое кресло-качалку. Я, когда увидел, даже обиделся поначалу:

— Вы меня совсем как старика Кутузова упаковываете... Думаете, я буду сидеть и дремать на солнышке, когда вокруг заруба идет?!

А в ответ — только хитрые улыбки, будто что-то наперед знали. От чудовищной усталости я в какой-то момент действительно рухнул в кресло — передохнуть. Видимо, переоценил свои силы. Сорок восемь лет — возраст, когда без сна и отдыха уже невозмож-

но работать сутками. Вот сердце и стало напоминать о себе (война бесследно не проходит).

В последние дни я постоянно был на ногах или на броне. Мотался вдоль переднего края, пытался лучше изучить характер обороны противника, иногда под самым носом у дудаевцев. И не потому, что был таким бесстрашным. Страх присутствовал всегда. И в Грозном, когда я ездил на броне по простреливаемым насквозь улицам, и под Шали, когда проводил рекогносцировку местности, где предстояло действовать нашим подразделениям. Признаюсь, «холодок бежал за ворот», когда пули и осколки цокали по бортам. Но я просто обязан был показать «личную храбрость», чтобы, глядя на меня, ребята смогли преодолеть робость, особенно те, кто не прошел через штурм Грозного, но был слышан обо всем ужасе тех дней. Только своим личным примером порой командирам удавалось поднимать бойцов в атаку. Бывают на войне такие моменты, когда перед лицом страха бессильны самые суровые приказы и угрозы трибуналом...

С горы Гойтенкорт просматривалось всё Шали — одно из самых крупных сел на Северном Кавказе. К югу от него начинался крутой горный массив. До 1992 года здесь базировался танковый полк и находился хорошо оборудованный полигон. Среди наших офицеров были и те, кто в свое время проходил здесь службу, хорошо знал местность и, значит, воевал не вслепую.

Не были мы и «глухими», как в Грозненскую операцию. Совершенно другой была ситуация. Если тогда в эфире царили какофония и неразбериха, а боевики сидели на наших частотах, то теперь мы подавляли радиопомехами переговоры дудаевцев. У себя же в подразделениях продумали и ввели четкие правила радио-

обмена, особые позывные, кодировку команд и сигналов. Во многом это было личное творчество нашего начальника связи полковника К. Школьникова. Не могу не выделить особо и командира 135-й мотострелковой бригады полковника С. Макарова (впоследствии заслуженно ставшего генералом). Под Шали его пехота по всем статьям переиграла боевиков. Кстати, мотострелки не имели значительного численного превосходства над обороняющимся противником. Мы потеряли всего несколько своих людей, зато уничтожили множество бандитов. И при этом сохранили в целости село.

Шалинский узел сопротивления был подавлен. Уже 31 марта над крышами домов развеялся российский триколор. Лично меня этот обещанный подарок радовал еще и потому, что вражеской группировкой руководил А. Масхадов — главный военачальник боевиков. В отличие от бывшего советского летчика Д. Дудаева, решавшего исключительно политические задачи, Масхадов сам руководил штабом, разбирался во всех тонкостях общевойскового боя. Выпускник Военной академии, он был настоящим профессионалом. Поэтому взятие Шали я расценивал отчасти и как свою личную победу над Масхадовым. Мое старенькое кресло-качалка на горе Гойтенкорт в прямом и переносном смысле оказалось на высоте в сравнении с его райкомовским подвалом.

ВЕДЬ ЭТО НАШИ ГОРЫ?..

К апрелю боевики были вытеснены к предгорьям Главного Кавказского хребта. Их основные базы располагались в Шатойском, Веденском и Ножай-Юртовском районах. Несмотря на понесенные потери и отсутствие